

Поэзия

«Как много надо вылить обелисков...»

✍ Владимир Чурилин

Прижимая к земле
онемевших бойцов.

А «счастливыцы» в лесу
шли спокойно и твёрдо,
Автоматы свои
за плечами несли,

И казалось,
что их не волнуют аккорды
Смертоносного боя,
что братья вели...

Когда мне говорят
о «новых русских»,
Мне видится помойка за углом,
Где ветеран,
сражавшийся под Курском,
Копается во прошлом и былом:

Были сутки длинны, как обмотки...
Те, кто выстоял в первом бою,
Запивали российской водкой
Всенародную горечь свою.

И в сибирском широком размахе,
Не умея ни красть, ни копить,
Всей страной продавали рубахи,
Чтоб на вырубку танки купить.

От всего отмахнувшись:
«На кой мне...»
Русский Ваня вставал, как медведь,
И последнюю пулю в обойме
Оставлял,
Как заначку на смерть.

А когда приходил по раненью
В краткий отпуск с великой войны,
Так по-русски не жаловал денег,
Словно сроду не ведал цены.

Как бы горько потом ни судили,
Вывод правильный только один:
Правда в том, что врага победили,
Правда в том, что всегда победим!

Правда в том, что, меняя походку
На солдатский решительный шаг,
Мы порвали себе на обмотки
Чёрной свастики меченный флаг.

Бой

Под настильным огнём
наступающие роты
Где бегом, где ползком
продвигались вперёд.

А в дремучем лесу,
по глухому болоту
Пробирался один-
разъединственный взвод.

С каждым шагом вперёд
наши цепи редели,
Расширялись зрачки
под свистящим свинцом,
Пот горячим пятном
проступал на шинелях,

Потряхивает ветхие обноски,
Прикидывая, что ему нужней.
А рядом усмеваются подростки –
Отростки от невидимых корней,

Питаемых таинственной силой,
Растущих без особого ума...
Но вздрагивают недра под Россией,
Обрушивая старые дома.

И новые коттеджи вырастают,
И люди, поселившиеся там,
Рассказывают лживыми устами,
Что время всё расставит
по местам.

А ветеран копается в помойке,
Бормочет про неведомую мать.
В годину
«эпохальной» перестройки
Его опять послали умирать.

Оставленный, наверное, на племя,
Он плюнул на Советы и собес.
И встал старик
на вздыбленное время
С бутылкою пустой наперевес.

В русском поле трава незнакомая,
С виду – ягодник,
Только не он.
Неизвестные мне насекомые
С четырёх налетели сторон:

Облепили,
Изъели,
Изжалили,
Поубавили крови на треть.
Стали веки тюремными жалюзи,
Сквозь которые тяжко смотреть.
И смотреть-то особенно некуда,
Разве только на эту траву,
Но глаза полыхают под веками,
И смотрю,
Потому что живу.
А повсюду трава незнакомая,
Отовсюду,
Куда ни взгляни,
Налетают на Русь насекомые...
Боже мой,
Если б только они!

✍ Александр Павлов

чернорабочие войны,
не отступившие ни шагу.

Они ведут бессрочный бой,
незаменимы и бессменны,
все с одинаковой судьбой,
все до единого бессмертны.

Шестьсот второй

В копровом цехе вечный кавардак.
Железо всех времён,
мастей, обличий...
То паровоз подкатится сюда
с утробной паровою переключкой.

То подвезут бескрылый самолёт
в горячке отзвеневшего дюрала,
то на вагоне катер приплывёт –
всех под резак – и словно не бывали.

Порой Степану чудилось, что он
палач вот этих
горемык железных,
не попусту коптивших небосклон –
проживших век
двуужильно и полезно.

Он опускал на землю бензорез,
влезал наверх,
откуда тишь стекала...
И громыхал хозяйский интерес
по мостикам ботинками Степана.

В его обходе ревностном и злом
рассерженно
сминалось безразличье:
– Труда-то сколько!
И опять на слом...
Но всё же вскоре
вспыхивала спичка.

А бензорез врезался в кругляки,
обшивку и натруженные скаты,
и паровоз, напыщенный когда-то,
валился от Степановой руки.

Да мало ли таких со всей страны
летят к нему, пыпыхая рьяно?
Им раньше явно не было цены,
а нынче есть – и та не по карману.

Дешевле вжать
в тысячетонный пресс
уютные, обжитые кабины
и рычагов
тридцатилетний блеск...
– Ломай, Степан,
работай – всё едино! –

так думал он размашисто,
спроста,
покуда к серым колоннадам цеха
из памяти тревожной не приехал
особенный, приземистый состав.

Степан присел у танка, закурил.
Пробоины, заклиненная башня...
И, словно лбом ударяясь
в день вчерашний,
на башенке он цифры отключил:

«602-й» – и дёрнулась рука,
и налегла на воздух, как на тормоз,
602-й в разорванных боках
привёз войною срезанную скорость.

602-й... И задохнулся он.
Да! Там друзья, заклинены навечно.
Он за бронёю слышал каждый стон
и жаркое дыханье человечье.

Он рвал броню упругим резаком,
как будто вдруг
из танковой утробы
они шагнут светло и шлемолобо,
такими же, как их запомнил он.

Гудело пламя, взламывая танк,
томилось небо без дождя и вздоха...
В копровом цехе вечный кавардак,
в пролётах тесных стиснута эпоха.

Исток Урала неглубокий,
Со всех сторон я на краю:
Одной ногой стою в Европе,
Другую – в Азии стою.

В раздумье попираю доски,
Гляжу на воду и траву.
Как будто бы колосс Родосский,
Совсем не в мифе – наяву.

Когда-то здесь орда ступала,
А в ту войну себе на грех
Сам бесноватый до Урала
Решил расширить третий рейх.

Нарвался не на те пороги,
Разбив крутые корабли.
Заехал не на те дороги,
Что к эшафоту привели.

Забыл за пивом и сосиской,
Как здесь приветствуют врага.
Помстилось,
что колосс российский
Стоит на глиняных ногах.

Два континента на истоке
Я ощущать перестаю...
Одной ногой стою в Европе,
Другую – в Азии стою.

Я – Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого тёмного часа
я – Память.
Вглядитесь в меня.

Я в каждом ростками проклюнусь
и выйду на край тишины.
Морщины –
как выстрелы в юность,
седины – как залты войны.

Магнитка – святая былина.
Твой сын превращался в металл,
во Львове и в центре Берлина
взойдя на живой пьедестал.

Магнитка – военные тропы
и тыл, и такие бои,
что встали над всею Европой
бессмертные танки твои.

Я – Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого горького часа
я – Память.
Вглядитесь в меня!

Рассказ

Фас!

(из цикла «Едва война отполыхала»)

✍ Виктор Туманов

**Сын Марьи Алтынихи,
Ванька, в первый класс хо-
дил, когда немцы в деревню
нагрянули...**

Удивляется Ванька: вроде бы
обыкновенные мужики, не гавкают,
не кусают за ляжки, а поди ж ты,
взяли себе собачью кличку – фас-
систы.

Перед войной в деревню к Бояр-
киным охотник из Москвы приез-
жал с огромной собакой – телёнком
на тонких ножках: хоть в морду её
целуй, до того смиренная. Но покажи
ей заячий след да скажи: «Фас!»
– она мокрого места от ушастого
не оставит. Вот и немцам, видать,

кто-то сказал «Фас!» – они и стали
фассистами. А если их яблоками
угостить? Может, забудут свою
кличку?

Зимнюю антоновку Алтынихи
сняла неделю назад и рассовала
яблоки в сухом сене в сенах дозре-
вать. Ванька натряс два тяжёлых
яблока в подол рубахи и вышел
на крыльцо. А тут и два немца по-
дошли; обыкновенные, по-русски
говорят:

– Куда яблоки несёшь?
– Вам, дяденьки.

Взяли немцы по яблоку, о штаны
вытерли и надкусили – сок так и
брызнул тонкими струйками на
белесую Ванькину макушку.

– Мы, – говорят немцы, – теперь
твоими хозяевами будем.

– А у меня мама хозяйка.

– Мы и её хозяевами будем. Где
она?

– Корову доит.

– Милых – это карашо! – сказали
немцы.

Разулись они на крыльце, окру-
жили Ваньку вонючими сапогами.
Один немец в карман полез. Ванька
обрадовался – конфетку-шоколадку
ждёт. А немец достал плоскую ба-
ночку и велел Ваньке руками гута-
лин из неё брать и сапоги чистить
до блеска.

Мать молоко в сени со двора
занесла, выглянула на крыльцо, а
там Ванька то ли себя, то ли чужие
сапоги гуталинит.

– На кого ж ты похож, сынок?
– Фасисты заставили... Дай им
молока, авось добрее будут.

– Гуталину бы им в глотку, а не
молока, – буркнула Алтыниха.

Тут немец в одних носках из избы
выскочил со своей алюминиевой
кружкой, хлобысь её в ведро:

– Карош милых, карош!
– Давитесь на здоровье, – говорит
Алтыниха.

Немец ковырнул острым ногтем
Ванькину макушку:

– Карош мутер – карош свин!
«Надо им грибов насобирать,
авось забудут, что они фассисты»,
– подумал Ванька и вбежал в избу
за корзиной.

Второй немец сидел за столом,
банку с пахучим мясом открывал
финкой, глянул на Ваньку, пере-
пачканного гуталином, и завизжал
как недорезанный:

– Век, швайн, век!
– Я вам грибов принесу! – крикнул
Ванька, хватя корзину из-под кроват-
и и через огород – к лесу.

– Я помогу, Ванюша! – кинулась за
ним Алтыниха.

А немцы, словно им кто «Фас!»
сказал, выскочили за ними и пусти-
ли пули вдогонку.

– Парти-ззз-зан! – визжат пули.
– Я вам гри... – не договорил
Ванька.

Долго фашистов натаскивали:
«Фас! Фас! Фас!»